

частью альбома. Прежде всего они перенасыщены фактическими данными, которые иной раз для характеристики самого Фадеева и его работы не имеют ровно никакого значения. Ну какой смысл может иметь подробнейшее перечисление юбилейных торжеств, в организации которых Фадеев принимал участие? Уж если говорить о внимании Фадеева, например, к литературам братских народов, то не разумнее ли было показать, как он помогал писателям национальных республик и добрым словом, и дружеским участием, и критическими замечаниями.

Сухие биографические справки часто дублируют в альбоме то, что несравненно более живо раскрывается в сопровождающих фотографии и иллюстрации воспоминаниях родных и друзей писателя.

Наконец, оставляет желать много лучшего и та часть текста, которая имеет литературоведческий уклон. В разделе, посвященном «Разгрому», читаем:

«Писатель талантливо осуществил свой замысел. Он создал правдивые, жизненно яркие, запоминающиеся образы коммунистов и рядовых партизан. Писателю удалось показать значение партии, раскрыть красоту и величие социалистических идеалов...

Геройский подвиг Морозки во имя

революции, во имя народа утверждал идею непобедимости дела социалистической революции.

В романе развенчан духовно чуждый народу и революции себялюбец Мечик...»

В разделе о «Молодой гвардии»:

«В Олеге Кошевом писатель раскрывает характер юноши, влюбленного в жизнь, стремящегося к постижению богатств человеческой культуры, в котором с удивительной гармоничностью сочетается глубокий ум, разносторонность интересов с крепким физическим здоровьем...»

Страница за страницей идут такие же литературоведческие «откровения». И все это предлагается в качестве пособия для школьных учителей.

Альбом только выиграл бы, если бы эти страницы заполнить не сухими справками и общими фразами, а живым и теплым рассказом о хорошем человеке, талантливом писателе и крупном общественном деятеле, каким был А. Фадеев.

Но при всех своих недостатках альбом все же представляет немалый интерес. Нет сомнения, что преподаватели школ будут благодарны В. Зарахани и Б. Беляеву.

В. БОБОРЫКИН

КНИГА РАЗДУМИЙ*

Новая книга И. Гринберга «Живые истины» как нельзя лучше демонстрирует читателю отличительные свойства критика: доброжела-

тельность и спокойствие анализа и оценок, сдержанность полемики, неторопливость и уравновешенность стиля. Девять глав книги — это девять статей, написанных в разное время, по разному поводу и легко различаемых по замыслу и тональности, по

* И. Гринберг, Живые истины. Характеристики, сопоставления, выводы, «Советский писатель», М. 1964, 400 стр.

характеру и проблематике. И тем не менее очевидна внутренняя связь, преобразующая сборник в единую книгу — книгу раздумий о новом качестве литературы социалистического реализма, о тех ее чертах, что в трудной борьбе в сложном процессе кристаллизации живых истин сформировались в явление принципиально новое.

Центральным представляется мне раздел «Источники мастерства». Здесь семидесятый том «Литературного наследства» — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» — исходный рубеж для широких выводов и умозаключений. Заранее отводя возможные скептические замечания о том, что письма эти декларативны, имеют чисто исторический интерес, И. Гринберг справедливо пишет: «...когда программа оказывается осуществленной, претворенной в развитии характеров, в драматизме конфликтов, в покоряющей полноте переживаний, тогда читателю дороги эти программные строки, потому что они позволяют охватить творческую историю произведения, понять, как готовился художник к его созданию, какие цели ставил перед собою» (стр. 249).

Критик умеет выбрать наиболее ценные для сегодняшних поисков малоизвестные мысли Горького об искусстве, интересно и остроумно комментирует «догматические предписания» Евг. Замятина, полемизирует с примитивными рассуждениями о независимом творчестве и доказывает, в чем истинная независимость художника.

Заново осмысливая вместе с критиком некоторые историко-литературные ситуации, извлекаешь для себя немаловажные выводы, применимые и к сегодняшней литературе. Радует и то обстоятельство, что необходи-

мые для доказательства теоретических положений конкретные примеры в этой главе более лаконичны в сравнении с другими главами книги, менее экономными. Иногда книга кажется несколько «перенаселенной», особенно в открывающей ее главе «Пафос сплоченности»: Хемингуэй и Ремарк, Васко Пратолини и Джойс, Твардовский и Леонидзе, Лупан и Прокофьев, Ручьев и Луконин, Кулешов и Смуул, Берггольц и Смеляков, Наби Хазри и Гордейчев — множество имен. Не меньше наблюдений, сравнений. Любопытна и не лишена оснований идея сравнения «Триумфальной арки» и книги стихов Н. Тихонова «Тень друга». Контрастный анализ помогает подчеркнуть принципиальные различия не только в мироощущении двух писателей, но и в мировоззренческих основах двух методов, двух литератур. Видя питательную среду таланта в утверждении связей с миром, а главное, с самым справедливым движением современности, критик подкрепляет свои суждения многочисленными развернутыми примерами. Отрицая жизнеспособность субъективистской литературы, обнаруживая несостоятельность пресловутого «потока сознания», И. Гринберг справедливо говорит о нелепости схоластического спора о том, что важнее — береза или спутник, сирень или машина. А вот полемика с плоским пониманием оптимизма и трагедийности в выступлении профессора Рипеллино могла бы носить и более теоретический характер (имея в виду оптимистическую природу не только нашей литературы, но и всякой трагедии, вообще несовместимой с пессимизмом). Не стоит отрицать трагедийность нашей литературы, чтобы доказать ее оптимистичность. Наиболее интересно, в связи с этой проблемой, по-моему, проанализированы

стихи Н. Заболоцкого и А. Недогонова.

Иногда И. Гринберг абстрагируется в полемике, забыв назвать, кого именно имеет в виду, особенно когда обличает не понявших «Василия Теркина» (стр. 155) или разоблачает безответственность, версификаторство (стр. 166, стр. 309) и субъективизм нашей молодой поэзии (стр. 158). «Не забота о несчастьях людей, не возмущение против страданий чувствуются в подобных стихах, а следование чужой традиции, желание порисоваться «изошренностью» чувств. Стихотворство, основанное на превеличественном внимании к тончайшим оттенкам своих «партикулярных» переживаний, касающихся лишь самого «субъекта», близоруко и ничтожно, не имеет будущего... И немощный грех и немощное, хотя бы и шумное раскаяние могут вызвать лишь чувство брезгливости». В подтверждение этой справедливой мысли не мешало бы конкретно проанализировать хотя бы одно-два произведения. То же самое в разговоре об эпигонстве (стр. 322—323). Некоторые формулировки упрощены, например о предсмертных есенинских строках, «проникнутых смертоносным равнодушием к жизни» (стр. 145); иные — излишне категоричны; образчиками «органического синтеза научного мировоззрения, поэтического пафоса, жизненной достоверности» называет критик «Семена Проскакова» Н. Асеева, «Сами» Н. Тихонова, «Золотую Олекму» В. Саянова, «Страну Муравью» А. Твардовского, «Домик в Шушенском» С. Щипачева.

Зато в разговоре об «активизации стиха» подкупает вдумчивый анализ

стихов М. Дудина и В. Бокова, Б. Ручьева и Л. Мартынова, М. Алигер и А. Прокофьева... Справедлива мысль о «привычке к чуду», о естественной обычности героического и прекрасного и в нашем быту, и в поэзии нашей. Интересен своей конкретностью разговор о «молекулах» поэтической речи, доказательны примеры (стр. 190—191, 195, 201). В главе «Постижение смысла жизни» И. Гринберг напоминает, что мы забыли: обаяние образа — «качество драгоценнейшее и в искусстве много значащее» (стр. 206). Внимание к этой стороне художественного творчества помогает И. Гринбергу глубоко и верно почувствовать достоинства многих произведений: проникнуть «в завязь характера» героини повести Б. Бедного «Девчата», постичь нравственную основу повести И. Лаврова «Встреча с чудом», распутать сложный психологический узел в рассказе А. Кузнецова «Женщина», доставившем в свое время критикам немало хлопот. Разговор о рассказах Г. Семенова подкупает обстоятельностью проникновения в существо поэтической прозы этого талантливоего, тонкого писателя. Глава «Книга дружбы» посвящена замечательному нашему писателю Н. Тихонову. Н. Тихонов вообще один из любимых героев И. Гринберга. Вместе с В. Луговским и О. Берггольц он живет в каждой статье этой книги, дружески помогая автору своими стихами, статьями, рассказами.

Словом, ощущение большого поиска нашей литературы, хозяйская забота о ней, присущие И. Гринбергу, проявились и в его новой работе.

И. ДЕНИСОВА